

Квитка-Основьяненко Григорий Федорович

**Драматические сочинения
Григория Квитки Основьяненка**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Г83

Г83 **Григорий Федорович К.**
Драматические сочинения Григория Квитки Основьяненка / Квитка-Основьяненко Григорий Федорович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 247 с.

ISBN 978-5-519-88785-4

ISBN 978-5-519-88785-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ШЕЛЬМЕНКО.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Простая изба. Разсвѣтъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

НИКИТА *въ цѣпяхъ сидитъ у стола, на которомъ лежатъ хлѣба, кружка и догорающая свѣча. У дверей СОФРОНЪ и КРЕСТЬЯНЕ спятъ прислонясь къ стѣнѣ, въ рукахъ дубины.*

Никита *(вздыхаетъ и помолчавъ)*. Вотъ ужъ и развѣтаетъ, а я п глазъ не смыкалъ! Чтó то со мною будетъ? Тоска нестерпимая! Говорятъ люди, что только и житья, что богатымъ, что имъ всё удастся, что всѣ ихъ уважаютъ... *(схватываетъ цѣпь)*. Вотъ какъ уважаютъ! За что на меня такая напасть? Не придумаю. Что я кому сдѣлалъ?... Эхъ! кабы я былъ одинокъ! Послужилъ бы Богу и государю вѣрой и правдою, со всѣмъ усердіемъ и охотою; все свое имущество раздалъ бы бѣднымъ, роднымъ и чужимъ... Но матушка! На кого мнѣ ее покинуть? *(плачетъ)*. Въ бѣдѣ найдутся и праги и обиралы: доведутъ ее, мое сердечушко, до нищенской суммы... А постигнетъ болѣзнь, въ старости... Кто ее присмотритъ? *(болѣе плачетъ)*. Кто ее успокоитъ? Кто *(горько зарыдалъ)*, кто закроетъ ей глаза? О матушка моя! Родная моя! Одну ты имѣла на свѣтѣ радость, и той тебя лишили, и не дали несчастному сыну твоему принять послѣдняго благословенія...

Софронъ (*между тѣмъ проснувшійся*). А! Ну, што ты, Микита? Знай всё плачешь? Слезамъ ничего не поможетъ. Терпи!

Никита. Хорошо бы и терпѣть, да и на все пдти, кабы я одинъ былъ; но какъ вспомню про родную, да подумаю: на какую горькую жизнь она остается, такъ вѣришь ли? Господи прости! самъ бы на себя руки поднялъ! Ты, Софронъ, чай былъ на сходкѣ; скажи мнѣ, Мироновичъ, на милость: за что меня присудили въ отдачу? Недоимка за мной не числится, общественная работа не стоитъ; я одинъ отъ отца, дядя самъ по себѣ, и служба за ними есть уже. За что меня приговорили?

Софр. А кто тебя знаетъ! На сходкѣ я не былъ; а знашь, за чѣмъ? за тѣмъ, што на тебя и сходки-та не было. Тебя отдаютъ такъ на чисто: пришла бамага — вотъ и всё тутъ. Кто тебя знаетъ, я не знаю.

Ник. Бумага? Стало же, отъ начальства? А я родясь, кромѣ капитанъ-исправника, другого начальства и въ глаза не видалъ, и въ городѣ не бывалъ; дурныхъ дѣлъ и по слуху не знаю, не то что бы самому бездѣльничать. Покойной отецъ мой не на то меня грамотѣ научалъ, чтобы я сталъ недобрымъ и негоднымъ, а старался наставить меня на добрый путь.

Софр. Ну, вотъ вишь ли: какой тебѣ путь лучился, такъ и терпи. А объ матушкѣ не кручинься; пно дѣло кабы бѣдность, а то не бось: проживеть вѣкъ, да и не охнетъ воспоминаючи тебя.

Ник. (*вздыхаетъ и молчитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣже и ШЕЛЬМЕНКО въ тулупъ и шапкѣ; на плечахъ большой войлокъ. СОФРОНЪ торопливо разбуждаетъ крестьянъ, кои вскочивъ, становятся у дверей съ дубинами.

Шельменко (*снимая съ себя войлокъ и протирая глаза*). О, та й змерзъ же я цупко! Але ничего й не бачу. Та й дрижакивъ папвся. Аговъ! Калавурни, чи все у васъ справно?

Софронъ. Да што? Кажись, всё цѣлы и мы—и некрутъ. Вотъ всё на глазахъ.

Шельменко (*отдавая ему войлок*). Визьмы жъ опанчу та заховай, та й гляды якъ ока; ато мнѣ москалями й несчусся, якъ стягнуть. А голова бувъ?

Софронъ. Нѣтъ, не бываль ещо.

Шельм. Де винъ тамъ у гаспыда блукае! Ще ноѣ певтивъ чого на пакость. Впдъ москаля усѣго станетця. (*Подосидъ къ задумавшемуся Никитѣ, садится подлѣ его*). Здоровъ, Мыкыто! Чого бо ты журисся? Оце ще! Гай, гай! не знать-що ты, голубчику, робышъ! Чого такы плакаты?

Ник. Какъ мнѣ не плакать, Кондратъ Терентичъ?

Шельм. Та такы далеби-що ничого. Не ты одинъ будешъ у служби. Слава тобі Господы! Е салдатовъ по всѣму свиту тысячи чотыри, колы й не билшъ; не дадутъ зажуритысь. Годн жъ, годн; гляды веселенько (*надъваетъ на него свою шапку*). Дывысь! якый, будучы, съ чорта гарный москаль буде! Э! кынь лыхомъ объ землю! Я жъ кажу: тилкы й страшно трохи, покы прымпиряють та оглядають; а дали якъ крыкнути: лобъ! такъ де тая й хвабристь визметця! Э, Мыкыто, Мыкыто! Ты еси дурень, не знаешъ своего щастя.

Ник. Какое, дядюшка, счастье?

Шельм. Якъ, яке? Якъ надипнуть на тебе, будучы, мундѣръ та позаципають усюды ганлыками, та, тее-то, и сюды кытыци и туды кытыци, а тутъ, будучы сказать, гудзыкы; такъ такый, стало быть, будешъ страшный, що до тебе ни прыступу. Та ще, будучы, може въ насъ на сели, тее-то, й на кватири стоятыменъ; та якъ пидешъ по юлыци; шапка на тобі козацька, кытыци телпаятця, а тее-то, шаблюка у боку тилкы: брязъ, брязъ, брязъ! Або якъ выйдешъ на вечерныци, та якъ утнешъ на ппюрахъ годака, такъ, будучы, дивчата уси за тобою, та знай крычатимуть: москалю! господа служывый! А ты, будучы сказать, на нихъ и не дывысся, тилько, тее-то, покрыкуешъ: аштѣ, та на штѣ та пайди геть собѣ! А якъ, будучы, прийдешъ на квартиру, заразы и крычы: хазяйка! давай, таво, вечерять паскарѣнча! А вона й пытаетця: а чого зволыте, господа москалю? а ты й приказуй, будучы сказать: курку звары, другу спечи, лешню спряжы, та молюшну кашу до перцю, та подавай гарѣлки-ста. Оттакъ-то, Мыкыто, й ты, будучы сказать, и ты будешъ. А що? правда мой?

Ник. (*не слушая его*). Бѣдная моя матушка! На кого она останется?

Шельменко. Та обѣ паньматци не тужы. Вже стало быть якъ намъ иѣ покинуты? А, будучы, знаешъ що, Мыкыто? Я тебе завсегда, тее-то, любывъ, мовъ брата риднесенького, то якъ, будучы сказать, забрыють тоби лобъ, то я однаково у васъ захожый, сырота, ни батька, ни матери; то я, тее-то, взыму иѣ замѣсць матери, и, будучы, вже въ ней иѣ жытому и глядѣтому иѣ; а якъ, будучы, помреть, то поховаю, стало быть, нынѣ мѣщанку: девѣять обидивъ справлю и, тее-то, успѣхъ старцивъ нагодую. Коли иѣ ты вернешся, то будемо жыты, гмъ! якъ браты; а коли, будучы, не вернешся, що, пѣхай Богъ борошитъ, тебе вбьють, то я иѣ тебе видпомунаю и, тее-то, и у граматку залышу *убысненого Мыкыту*. Не журыся жъ, братнку. Бачъ, вже я съ тобою, будучы сказать, и побратався. Не журыся; твой матери буде добре.

Ник. Все такъ, дядюшка; да ты не будешъ ей сыномъ!

Шельм. Та далеби-що буду! Отъ ей! вельке слоно! Бачъ, ажъ, будучы, забожывся. Я жъ тоби, стало быть, кажу: що якъ виддамо тебе та вернуся додому, то такъ, будучы, у твою хату мерщій и перейду, та иѣ буду доглядаты худобы и, будучы, и матери твоей. Будь же, тее-то веселенький. Та якъ, будучы сказать, приведуть тебе у приводъ, то не дывысь сторчъ, якъ теперъ дывыся; а такъ, тее-то, веселенько, мовъ дивчата съ тобою жартують. Та ще, слухай, ось що: якъ стануть тебе у приводи судяци пытаты, якъ тебе, будучи, зовуть, або-що; то ты имъ кажы по пысьменному. Чи знаешъ, якъ-то по пысьменному?

Ник. Я теперъ и ничего не знаю.

Шельм. Ось бачъ: тебе зовуть Мыкытою, а ты по пысьменному кажы, будучы, Мыкыхворъ. Прозываеся ты, козаче, тее-то, Михайловъ, а по пысьменному треба-нада, стало быть, Минийловъ.

Ник. Да я, дядюшка, пишуся Михайловъ.

Шельм. Эге! та що будешъ робыты, коли по справци такъ оказалось! Чы ты чытавъ, будучы тее-то — ревызькиі сказкы?

Ник. Нѣтъ, дядюшка, я только церковное читаю.

Шельм. А гражданське?

Ник. Только и читалъ, что «путь ко спасенію».

Шельм. А скоропысне утнешъ?

Ник. Нѣтъ, не дошелъ до такой премудрости.

Шельменко. Такъ такой-то ты, бачу, пысьменный! (*считается*). Ге, ге, ге, ге! а бодай васъ вчылась! Дывыся жъ, голубчыку: такъ що жъ то мыни зъ невченымъ и толкуваты! Ты мене, будучы, и не второпашъ, що я тоби казатыму. Слухай же, якъ воно е (*Разводитъ пальцами по столу*). Ось-озьдечка Михайловъ, а оттутечка Миняйловъ; такъ оце, будучи, узявши видъ Михайлова и-хиръ-азъ-ха-ха-пй, та й прытулыты, тее-то, до Миняйлова; а видъ ёго вырваты и-панъ-азъ-на-на-ий, та й залататы дирку, будучы, у Михайлова. Чы розумно тоби? Ось такъ усе учени роблять: де имъ не до-шмыгы, то й вырвуть, а де кицивъ не зведуть, такъ тамъ чымъ попадя латають. Такъ се вже слидователно, будучы сказать, хоть до якого хочъ дяка пиды, то ты, тее-то, Мыкхворъ Миняйловъ; такъ и видкыкайся, ато якъ панамъ та не по пысьменному, стало быть, скажешъ, то-то росердятця! та ще гляды, щобъ и не налаялы. Эге, зъ панамы такъ: я вже ихъ дуже знаю. Та й годивъ тоби кажы, будучы сказать, двадцать чотырп.

Нинита. Не будетъ, дядя; мнѣ только двадцать.

Шельм. Нп, не такъ. Я жъ самъ, будучы, у метрыци чытавъ, що тоби, тее-то, двадцать чотыри годы. Та на отъ и самъ подывыся, лучше всего (*подаетъ пустую бумажку*).

Ник. Не знаю цифыры.

Шельм. Чогожъ и спорышъ, колы ничого не тямышъ! Се вже, будучы, справди ныначе на великихъ школахъ вчепый, про все спорыть, а воно, тее-то, якъ по справци оказуетця, и гражданського не вкусыть (*Смеется*). О, бодай тебе! (*вставъ*). Ну, теперь, будучы, зовсимъ. Говъ! сторожа! А кете-лышня чого поснидаты!

Софр. Да гдѣ я тебѣ возьму? Ничего нѣту-тѣ.

Шельм. (*осердясь, дразнитъ его*). Табѣ, табѣ! А ты, будучы, не вмѣешъ звычайнише назваты. Се ты не зъ своимъ братомъ мужыкомъ, будучы, вернякаешъ, а бачъ, тее-то, съ паномъ пысаремъ; такъ такъ бы извельчавъ, якъ тамъ, будучы, кажутъ, дядюшкою, або, тее-то, пане пысарю Терептовичъ. Ато зъ дуру, якъ съ печи. Эка мужикъ! Унесы жъ сюды, будучы, я привизъ мерзлой тарани, то кете сюды, та поснидайте и орестанта нагодуйте.

Ник. Благодарствую, дядя; мнѣ ѣда и на умъ не идетъ. Вотъ и вчерашній ужинъ, я къ нему и не дотрогивался. Я

вотъ все о чемъ думаю: за что на меня такая напасть? По какому резонту меня отдають?

Шельменно *важно*. А по такому резонту, що, будучы сиричь обаче и поелпку, гмъ, гмъ! тее-то... та що тутъ базикаты: якбы ты выпвъ скоропысне, то ты бь самъ и прочытавъ, що тутечка напысано (*вынимаетъ ту же бумажку*). Слухай, я тоби, будучы, прэчытаю: Ме—ме—ме—допдеже будучы—ме—ме—ме—можаху—ме—ме скоропостыжно, представить, ось бачъ! представить, эге! ном-слово-титла-ном, оце-то насъ и заплутало! а, ось-озьде: виддаты у рекруты; бачъ! у рекруты, эге! охъ, головонько наша бидная! ану, що далыше: бачъ, хотъ самъ чытай: нашъ-и-ны, Ны, како-ы-кы, кы, Ныкы, хверть-онъ-хво, хво, Ныкыхво, ерцы-азъ-ра, а по верхамъ, Ныкыхвора Миняйлова; слидовательно, тутъ справка чыстая: тебе виддаты у рекруты. Гмъ! такъ що ты писля сёго будешъ робыты? се, голубчику, предпысаніе видъ начальства; а пысаніе глагольстъ: скачы, враже, якъ панъ каже.

Никита. Да не можно ли, дядюнка Кондрать Терентьичъ, какъ нибудь, знаешь? Поклонился бы твоей милости сотенкою.

Шельм. Та що се ты мени говоришь? мени душа ще й самому згодытця, а не то щобъ за мою брехню чортякы мнимъ языкомъ, тее-то, мовъ ополонькомъ, киплячу смолу миналы, а мене бь, будучы, потрошылы на лынину для пидпалкы. Ей, не могу ни узяты, ни тебе вызволиты. Мыени тебе жалко; такъ отъ самъ бачышь, будучы, предпысаніе (*встаетъ и надъваетъ шубу, въ сторону*). Утикты мерщій, ато дуже жалбно просытця, щобъ и пшоди не спиткнувся; щобъ за сотинамы, та не процвиндрывъ ёго тысячи. Хлопци! я пиду головы съкаты, а колы, будучы, винъ буде тутечка-здесечка, такъ нехай, тее-то, мене дожыдд тута-здесь. Гляды жъ, будучы, Мыкыто, не забувай, що я тебе вчывъ (*Отходя*). Навчывъ ёго на все добре; буде дякуваты.

Ник. (*по уходъ его*). Все таки я не узналъ, за что именно меня отдають; за что, какъ скотину на убой ведутъ на явную погибель? Почему я пзъ Никиты Михайлова долженъ стать Никифоромъ Мъняйловымъ? Отъ чего судьи разсердятся, коли я не такъ пазовуся? судьи должны знать святую правду. О! кабы я возымѣлъ смѣлость, да рассказалъ бы имъ всю истину! Не надѣюсь... проймутъ слёзы и погибъ несчастной Никита! Нѣтъ у меня ни пріятели, ни доброго чловѣка, кто бы далъ

мнѣ благой совѣтъ. Словно сумасшедшій! словно во снѣ все вижу... О! кабы я заснулъ на вѣки сію же мигнуту...

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Тѣже и СТЕПАНИДА входитъ постынно.

Степанида (*бросаясь къ сыну*). Вотъ мое ясное солнышко! Вотъ мой Микитушка! голубчикъ мой! (*обнимаетъ его*).

Никита (*въ большой радости*). Матушка родная моя! Ты мнѣ какъ ангелъ съ небесъ явилась!

Степ. Еще меня Богъ помиловалъ! еще далъ мнѣ тебя увидѣть-та. Да штожь ты это, мой родимой, закованъ? Ужь не наказалъ ли тебя Богъ?...

Ник. Нѣтъ, родная! Я всё твой честный сынъ; все еще молитвами твоими сохраненъ отъ всякаго зла. Ты развѣ ничего не слыхала обо мнѣ въ нашей деревнѣ?

Степ. Ничего, мой соловушка! Вотъ какъ позвали тебя къ головѣ и ты пошелъ, да тебя и пѣту-тъ. Я ждать-пождать, да и горюю! охъ моя головушка! а тамъ ужъ и плачу и тебя, мое утѣшеніе, разыскаю. Никто мнѣ ничего не говоритъ; я къ головѣ; онъ, знаешь, мужикъ гордой, велѣлъ меня въ зашей вытолкать (*голосомъ головы*). «По чему я знаю, гдѣ твой бурлака гуляетъ!» Господи милостивой! заплакала я: ужъ какой-то мой Микитушка бурлака? Онъ словно красная дѣвица! Ну! и плачу, и пошла къ нашему писарю, къ хахлу-та; а онъ началъ меня на смѣхъ подымать да матушкой называть, да што-та по своему индюшечьему разговору квакалъ-квакалъ, я и не разобрала; да иду, плачущи, къ батюшкѣ священнику посовѣтоватца-та: а кума, знаешь, Василиса мнѣ на встрѣчу, да и сказала, што тебя, моево сыпочка, моево Микитушку, повезли за калауромъ въ губернію. Вотъ я поскорѣй къ тебѣ и пріѣхала.

Ник. Какъ же ты, родная, добралася сюда?

Степ. Племянниковъ Мироха, спасибо ему, знавши мою бѣду и видячи, што я плачу, што вотъ какъ рѣка льѣтца и убиваюсь словно рыба на пескѣ, взялиши, сторжились со мною довести сюды-та. Вотъ, какъ въѣхалъ въ городъ, гляжу: большой! домовъ много! а въ какомъ ты? неизвѣстно! Кого спро-

шать и гдѣ искать? Горе меня одолѣло! Мироха и говорить, што онъ знаетъ дворъ, гдѣ наше начальство вѣзжаетъ. Ну, вези же, голубчикъ, когда знаешь! Вотъ и доѣзжаемъ: какъ я—глядь! Шельменко-то, писарь нашъ, шыгъ сюда во дворъ; я такъ и закричала: тутъ мой Микитушка, тутъ мой ясной мѣсяцъ!

Ник. Онъ же не слыхалъ тебя?

Степ. Нѣтъ, я ещо по-одалъ отъ него была, да и подумала: пезымъ какъ онъ выйдетъ, тогда ужъ я пойду отыскивать своево Микитушку. Уишь на все пойду, смерть себѣ отъ враговъ найду, да уишь хоть бы мнѣ взглянуть-та на него.

Ник. О матушка моя, Степанида Гавриловна! самъ Богъ тебя послалъ! Теперь мнѣ веселѣе и горе свое встрѣчать, что я вижу тебя, получу родительское благословеніе.

Степ. Да што же ты, мое красное солнышко, скованъ? Што ты имъ сдѣлалъ?

Ник. Ничого я, матушка, никогда худого не сдѣлалъ и вѣкъ не сдѣлаю, а заковали меня затѣмъ, что... родная моя! перенеси горе, не убивай себя! Меня... велѣно отдать... въ рекруты!

Степ. *(вскрикиваетъ)*. Кто повелѣлъ?

Ник. Начальство прислало указъ.

Степ. *(поражена, удерживается, чтобы не зарыдать и едва можетъ говорить)*. Указъ? Воля Божья и государева! Больно мнѣ... охъ! тяжело... Што жъ, Микитушка! не могъ спорить противъ начальства, Богъ тебѣ поможетъ и меня горькую, мать безчадную, не оставитъ! Да за штой-та тебя повелѣваютъ отдать? Што ты кому сдѣлалъ, и почему начальство тебя знаетъ?

Ник. Ничого не понимаю. Не плутни ли это головы съ плутомъ писаремъ?

Степ. Да ты же говоришь, што бамага объ тебѣ пришла?

Ник. Читалъ мнѣ ее писарь; да кто знаетъ, правда ли еще? Мы люди тѣмные, что можемъ сдѣлать противъ ихъ хитростей?

Степ. Да погоди же. За што эдакая на насъ напасть? Какъ таки можно у человѣка послѣдній глазъ вынимать? Какъ отнять у матери послѣдняго сына, и кормилца, и оберегателя? Вѣстимо, што это враги наши убиваютъ насъ. Кто насъ теперва защититъ? Пусть возьмутъ всё богатетство, ничего не

пожалѣемъ, а штобъ только насъ не разлучали, не уводили бы тебя, маѣ сокровище, въ конецъ свѣта, дали бы мнѣ бѣдной горькой сиротинчкѣ нарадоваться тобою, женить тебя, налюбоватца тобою въ парочкѣ, навеселитца твоими птенчиками...

Ник. Прошли наши радости, родная! Благослови меня теперь на новую жизнь! дають мнѣ въ жену саблю острую, приданое беру пули свинцовыя...

Степ. Да колижъ это голова съ писаремъ мудрять, такъ по какой же это правдѣ?

Ник. Скажи мнѣ, матушка, какъ мы пишемся: Михайловы или Мѣняловы?

Степ. Вотъ! Мы Михайловы, кормилецъ, отъ дѣда да и еще повыше; а Мѣняловы особо, въ нашей таки деревнѣ, да вымерли безродные. Одинъ остался, да и тотъ съ семьей бѣжалъ на вольныя земли.

Ник. Что жъ это, родная: Шельменко наказывалъ мнѣ много, чтобы я назывался Мѣняловымъ? Такъ и бумагу читалъ. Не плутни ли это его съ головой?

Степ. Да такъ взаправду што плутни. Съ чего бы тебя одного въ семьѣ, да п брать? Ужъ не пожалѣтца ли мнѣ на такую обиду? Да только—кому? Чай тутъ въ губерніи есть какой голова, да можетъ еще старшій надъ нашимъ? Побѣгута я къ нему, да стану просить за тебя, штобы не брали тебя-та.

Ник. Иди, моя матушка, мол отрада! Проси за меня; а здѣсь не голова, здѣсь губернаторъ—надъ барамъ баринъ, надъ господами господинъ.

Степ. Охъ, Микитушка! Да колижъ онъ надъ господами господинъ, такъ онъ въ наши мужицкіе дѣла и не помѣшаетца-та.

Ник. Нѣтъ матушка, не такъ. Мы всѣ дѣти у нашего батюшки-государя. Ему всѣ равны: что баря, что мужики, что богатые, что бѣдные. Онъ всякаго изъ насъ жалѣетъ, и дай Богъ ему многія лѣта! желаетъ, чтобы никто не обижалъ другъ друга. Но какъ царство его обширное, дѣтушекъ много, а до Бога высоко, до царя далеко, такъ онъ и поставляетъ губернаторовъ, изъ выбранныхъ выбраннаго и изъ усердныхъ усерднаго; вотъ и поручаетъ насъ ему и крѣпко приказываетъ, чтобы никто не былъ обиженъ, и чтобы всюду была

правда и порядок. Иди, матушка! Богъ тебѣ мысль послалъ. Проси губернатора; и коли я по правдѣ отдаюсь, такъ благослови меня, и не вздохнемъ: поручу тебя милосердію Божию и съ радостію пойду на врага, хоть на Нѣмца, хоть на Француза, и не убоюся басурмана Турка. Исполню волю царскую; за то Богъ меня не оставитъ и возвратитъ къ тебѣ здрава и нерушима. Коли же нѣтъ обо мнѣ правды, то губернаторъ все узнаетъ, меня отпустить и тебя обрадуетъ.

Степ. Головушка наша бѣдная! Какъ до него достунить? Когда до нашего головы не достунитъ, а ушъ тутъ въ губерніи начальникъ, чай гордѣй нашего сельскаго.

Ник. Нѣтъ, моя родная! Кто изъ мужиковъ дослужится хоть до маленькаго начальства, тотъ всегда и на всякомъ мѣстѣ останется мужикомъ: все гордится и недоступенъ, все требуетъ, чтобъ его уважали; анъ напротивъ: за его гордость всѣ презираютъ и почтенія ему душевно нѣту. А кто изъ барина баринъ, такъ его чѣмъ ни поставь, куда ни опредѣли, онъ все одинаковъ: все ласковъ, всѣхъ допускаетъ, выслушиваетъ и любитъ правду, паче злата и топазія и бисера многоцѣннаго.

Степ. Микитушка! соловушка мой! Штожь я ему поднесу? Нѣтъ у меня тутъ ни курочки, ни хлѣбушка, да и деньжонокъ мало схватила.

Ник. Избави Господь! Не носи ничего.

Степ. Какъ же? Когда приказано къ головѣ безъ приносу не ходить, а тутъ побольше его...

Ник. Вотъ то-то и есть, моя родная! У мужика и обычай все мужицкіе, все подлое да гнусное; онъ для злата не боится прогнѣвать Бога, отвѣчать предъ царемъ, и стыда не страшится. А господинъ ни самой маленькой не пойдетъ на такое беззаконіе: онъ знаетъ судъ Божій и царскій, и стыдъ отъ людей. Иди, матушка, не медли!

Степ. *поспѣшно собираетъ.* Иду, Микитушка! Сей часъ бѣгу, ясное мое солнушко! и принесу тебѣ радостну вѣсточку. Чуетъ мое сердце, што губернаторъ насъ пожалуетъ (*Собравшись, останавливается*). Да куда жъ я пойду-та? Гдѣ его искать?

Ник. Спроси, матушка, рекрутской приводъ; тамъ и губернаторъ; проси всѣхъ, доступи къ нему и Расскажи всю правду. Поспѣвши, моя родная! Утро; скоро меня въ приводъ